

Зигрид Хунке

БОРЬБА ЗА РЕЛИГИОЗНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЫ

Из сборника «Мужество ради идентичности»

Альтернативы принципу равенства / под редакцией Пьера Кребса.

ISBN 3-922314-79-1

© Пьер Кребс, 1988 год

От редактора:

Мы переживаем политический перелом: старый спор между, «правыми» и «левыми» в сфере социальных вопросов утрачивает свою силу. Официальные правые и левые все больше начинают заключать друг друга в идеологические объятия, за которыми тут же следуют политические: они обнаружили общность в том, что касается дальнейшего существования так называемой западной цивилизации, а именно, прежде всего, в тех областях этой цивилизации, которые можно оценить лишь негативно: в областях ее властно-структурных, эгалитаристских, экономических и универсалистских «ценностей».

Эта книга хочет сделать что-то против этого. Отдельные статьи в ней указывают, что развивается новая разграничительная линия, на сей раз – между приверженцами космополитизма и сторонниками этнокультурной идентичности. В наше время отчужденности от культурного творчества и традиции народа стало необходимым описать корни идентичности, духовного самосохранения и саморазвития отдельного человека, а также различных жизненных и культурных общностей, сделав из этого в дальнейшем основу аргументации для обоснованного противостояния духу недееспособности, разложения и разрушения.

Новые дискуссии о проблематике иммиграции и многорасового, мультикультурного и смешано-культурного общества, об утрате культурного наследия и традиции народа, а также о техническом прогрессе всегда, что характерно, ставят решающий вопрос об идентичности. Также и угрозы военного и экономического характера находятся в центре дискуссий об идентичности. В борьбе против универсальной смешанной культуры следует объединить национальные европейские идентичности, рассматривая их как дополняющие друг друга, и не противопоставляя их между собой. Необходимо дополнить национальную идентичность на более высоком уровне (Европа) и укоренить ее на уровне более низком (регионы). *Мужество ради идентичности* защищает модель гетерогенного мира гомогенных народов, а не наоборот!

Об авторе:

Зигрид Хунке (родилась 26 апреля 1913 в Киле; умерла 15 июня 1999 в Гамбурге) была немецким религиоведом, германистом и представительницей унитарного неопаганизма. Идеи д-ра Хунке предвосхитили мышление Новых Правых.

Зигрид Хунке, дочь Генриха Хунке (1879-1953), владельца издательства «Вальтер Г. Мюлау Ферлаг», изучала сравнительное религиоведение, философию, психологию и журналистику, в том числе у Мартина Хайдеггера и Эдуарда Шпрангера. Она считается представительницей языческого мировоззрения и критиком христианства.

Хунке была одним из ключевых руководителей Национал-социалистического студенческого союза (NSDStB) сначала на локальном уровне, а с 1938 года в Берлинском областном руководстве этой организации, а 1 мая 1937 года она стала членом НСДАП.

В университете Фридриха-Вильгельма в Берлине (ныне Университет им. Гумбольдта) она в 1941 году получила ученую степень доктора (по российским стандартам – кандидата наук) у влиятельного теоретика расологии Третьего Рейха Людвиг Фердинанда Клауса за диссертацию о происхождении и воздей-

ствии чужих образцов на немецкого человека. С 1940 по 1941 она вместе со своей сестрой Вальтрауд Хунке работала в Германском научном управлении СС; она получала стипендию от «Аненэрбе» («Наследие предков») СС и публиковала свои статьи в их журнале «Германия».

Д-р Хунке отвергала христианство как «гетерогенное» и «ближневосточное» или «еврейское» учение, она искала собственно европейские образцы мировоззрения и обращалась к германской мистике. После брака с дипломатом Петером Х. Шульце, в то время сотрудником генерального консульства в Танжере, она два года прожила в Танжере (Марокко). В конце концов, Хунке как свободная писательница жила в Бонне. Самым известным ее трудом была книга «Солнце Аллаха над Западом», появившаяся в 1960 году и переведенная на множество языков. Высший совет по исламским делам в Каире, членом которого была д-р Хунке, высоко оценил эту книгу. Ее наградили египетским орденом за заслуги.

В 1950-е годы она присоединялась к религиозной общине Немецких Унитариев, и была их вице-президентом с 1971 по 1983 годы. Позже она также была почетным председателем Немецких Унитариев. Потом она покинула их, посчитав их идеи слишком «левыми» и стала членом Союза Немецких Унитариев – религиозной общины европейского духа (BDU), который откололся в 1989 от Немецких Унитариев и издает журнал «Вера и Деятельность».

С 1986 года Хунке была постоянной сотрудницей «Семинара Туле». По данным Феликса Видемана она являлась также и членом этого ультраправого объединения. Она публиковалась также в «Элементах Метаполитики», журнале «Семинара Туле». Кроме того, до своей смерти она была председателем попечительского совета общества «Зигрид Хунке».

В своих книгах она занималась среди прочего критикой западного либерализма. Эта критика повлияла на Новых Правых в Европе и была одобрена правыми политиками, ибо она не несла христианские черты. Так Зигрид Хунке оказала значительное влияние на мыслителей, являвшихся противниками «еврейско-христианского дуализма», прежде всего, на основателя французских Nouvelle Droite Алена де Бенуа. Пьер Кребс, движущий ум Новых Правых в Германии и учредитель «Семинара Туле», высоко оценивал работы д-ра Хунке, посвященные проблемам политической идентичности, и называл ее «волшебницей жизни, святой хранительницей идентичности, происхождения и наследия».

Источник: http://de.wikipedia.org/wiki/Sigrid_Hunke

Разрушение и обновление

«Каждое существующее – не только все само в своем собственном бытии – Оно не жаждет ничего другого, кроме того, чтобы быть самим собой и не хочет быть ничем другим – Но в каждом другом оно только может подлинно представлять себя».¹

Немецкий философ Николай Кузанский родился в славящемся своими виноградниками городке Кузе на реке Мозель в 1401 году. Умер он в Риме в 1464 году, будучи кардиналом и генеральным викарием Рима и, тем самым, вторым человеком в католической церкви после Папы Римского Пия II. И умер он точно за один день до того, как умер сам Папа, его друг. Николай Кузанский связал свое основанное на глубокой религиозной вере осознание бескрайнего *неравенства* всего сущего со своей убежденностью в воле и праве каждого на то, чтобы *быть самим собой* и на *самоидентификацию*. Не будучи самим собой, человек не может существовать в настоящем смысле. Так как вследствие своего различия люди попадают «только разными путями» к божественной правде.

Это было массивным ударом против гигантского строения «всеобъемлющей» католической церкви, которое было основано на призывании к универсальности и на всеобщем и абсолютном значении ее обязательных для всех догм. Однако, еще более скандальным, конечно, было то, что удар нанес один из «Ее людей», даже человек из круга Святой коллегии, в труде, посвященном кардиналу Чезарини тогдашним папским легатом, его другом по учебе Николаем Кузанским. То, что труд не возымел действия, но при этом и не принес обычных последствий для здоровья и жизни его автора-еретика, было следствием ветра гуманизма, который тогда ворвался в Ватикан и основательно выдул оттуда теологические опасения, сменив их наслаждением высоким эстетством и чтением Вергилия и Гомера. То, что даже внутри церковной иерархии осмелились высказать еретические отклонения, было новым явлением, но не столь уж значимым среди друзей-единомышленников.

I. Разрушение религиозной идентичности

Обратиться в христианство означает «требовать невозможного»

И протесты поднялись, стоило лишь церкви переступить за лимес – границу Римской империи. При этом ради святой цели – принести всем людям спасение, оказалось неизбежным, что церковь ради преодоления жесткого сопротивления, с которым столкнулась, всеми находящимися в ее распоряжении средствами растоптала идентичность. Противодействие, отказ от крещения громко звучат в

жалобных письмах архиепископа Бонифация² Папе, где он дает волю своей досаде в потрясающих стенаниях об «упрямом» отказе, с которым «неотесанные варвары» сопротивляются его «обращению»: «Всюду забота и печаль! Снаружи борьба, внутри страх!» сетует он и признается в «подавленности своего сердца» епископу Винчестера: «Для нас есть не только, как говорил апостол, «снаружи борьба и внутри страх», но и внутри борьба и страх!» и, отчаявшись, получает от него из Англии, где был такой же горький опыт с «неудержимым варварским сознанием англоv», советы, «как ты мог бы, по моему мнению, лучше всего и как можно скорее сломать упрямство неученого народа, если ты пред ними осудишь их собственную веру как «грязь и прегрешение», против чего может помочь только крещение».

Когда норвежский король Хокон Добрый, который был «крещен», будучи приемным сыном английского короля, на тинге в Трондхейме приказал принять христианство, норвежцы жестко возразили против этого намерения, сказав, «что мы должны будем отказаться от нашей веры, которой следовали наши отцы до нас и все наши предки, сначала в бронзовом веке, и потом сейчас в век курганов, а они были намного благороднее нас – и эта вера нас, к тому же, вполне устраивает!» Они поклялись следовать за королем всю жизнь и окружить его уважением и почетом, лишь бы только он не требовал от них невозможного. «Но если вы, однако, захотите принять это с такой большой строгостью, то мы, крестьяне, приняли решение расстаться с тобой и выбрать другого вождя, который так управлял бы нами, что мы могли бы свободно сохранить ту нашу веру, которую мы хотим».³

Европа возмущается против «загрязнения» души

Но уже в четвертом веке первые языки пламени сопротивления взвиваются в Трире и распространяются с быстротой молнии по всей Галлии, пожар возмущения по поводу презрения и «грязного помрачения» рода и чести и собственной, внезапно объявленной грешной души. Для этого распространяется антипатия к «боящимся света мужчинам», которые добровольно ради грехов мира влачат жалкое существование и «позволяют божеvству наслаждаться грязью», и срывают свою злость в открытой враждебности и насилии. Между тем в Риме вырывается первый мощно потрясший церковь протест мужчины с далекого британского севера, страстное возражение германского мыслителя Пелагия, который решил вызвать на спор великого Блаженного Августина, противопоставить себя духовному Риму, да что там – даже самому апостолу Павлу и его учению о рождающейся грешной душе. И хотя в этой титанической борьбе одного человека против установившейся всемирной силы, где весы уже начинали склоняться на его сторону, и дело решила только голая сила власти, Пелагий потерпел поражение, его протест распространился, внутри церкви, сначала в Италии, затем

охватил Галлию, Ирландию, Англию, всю Западную Европу и так никогда и не заглох окончательно. Однако Пелагий был только первым в этом длившемся веками вплоть до современности и среди всех народов Европы, тут и там возникающем, никогда не умолкающем противостоянии учению церкви.⁴

Психическое изнасилование огромного масштаба

Почему люди защищаются от требований вероучения, которое исходило не из их мира? Почему они готовы нести потери, мириться с наказаниями, преследованием, даже готовы пойти на смерть, чтобы противиться религиозному учению и по своему самому внутреннему убеждению жить в их собственной вере? И почему так много людей покидают сегодня церкви, если они пользуются религиозными причинами? Религия – это основная черта каждого человека. Тем не менее, все люди обзревают божественное со своего местонахождения и совсем по-разному⁵. Как, например, город или гора каждому из глядящих на них со своей перспективы людей, представляются иначе. Пусть даже если каждый отдельный представитель одного и того же народа, одной и той же культурной общности никогда не видит того же, что и «стоящий рядом с ним», то, тем не менее, их связывает одинаковое видение, одинаковый способ переживания, мышления, одинаковый способ *Бытия и самопонимания* как религиозного толкования, на котором они основываются, в котором они находят самих себя, и которое питает их силы и их жизнь. И «наша вера, которая была у наших отцов до нас и у всех наших предков в бронзовом веке и сейчас в век курганов – и эта вера, к тому же, нас вполне устраивала!» кричит разочарованно на тинге в Трондхейме крестьянин своему королю, который своими столь плохими притязаниями требует от них «невозможного».

Миссионирование германской Европы целеустремленно осуществляло это «невозможное» со всей твердостью и безжалостностью и с хорошо рассчитанным психологическим чутьем, духовно-психический переворот огромного масштаба, психическое изнасилование народов и каждого отдельного человека, которое глубоко проникало в человеческую субстанцию, лишало его самых глубоких корней, разрушало его суть и навязывало ему полный отход от себя самого. При этом миссионировании – как и при любом другом – речь шла не о простой замене «богов» или того, что посланники представляли себе среди германских «богов», которых они незамедлительно объявили чертями, как свидетельствует произносимая крестильная формула, и хотели привести на их место своего триединого Бога:

«Отрекаешься ли ты от дьявола?

- Я отрекаюсь от дьявола.

Отрекаешься ли ты от всех творений и слов дьявола,
от Донара, и Водана и Сакснота

и всех чудовищ, которые являются их товарищами?»⁶

Мы привыкли видеть это «обращение» или христианизацию глазами несущего свет и спасение потерянному, нуждающемуся в спасении, в свете спасителя от творимой Злом безнравственности и аморальности путем укрепления закона и морали, света, который освещает мрак заблудших и освобождает от кабалы страстей и демонов. Но только то, что церковь называла провозглашением Бога и евангелической Доброй вести и то, что мы обычно видим глазами миссионеров, было для тех, кого крестили, «разрушением» – разрушением их самого святого, разрушением корней, из которых они происходили и благодаря которым они были теми, какими они могли быть, и лишением тем самым их источников силы, чтобы устоять перед ударами своей судьбы и выдерживать испытания, разрушением их самого внутреннего компаса, их связей рода и брака, дающих ориентацию и опору, разрушением, в конце концов, их религиозной, трансцендентной идентичности, их «спасения»⁷ и их основы бытия. Это было полной потерей их идентичности.

Тем самым в ходе многовекового воспитания⁸ осознающих свою честь, основывающихся на божественном благе мужчин и женщин через слом их воли к послушному подчинению, а также в болезненном процессе тяжелой перемены взглядов и духовной трансформации к осознанию греховности и к страху перед адом, с самопониманием англы полностью лишились осознания ценностей, превратившихся в полную противоположность, и было смертельно поражено самоуважение мужчин и женщин. Потеря всякой ориентации характеризует последовавшие после миссионерской «смены полюсов» столетия с хаотичным разрушением всех обычаев и любой нравственности, развратом и злоупотреблением женщинами, насилием, жестокостью, убийствами. Так что Сальвиан, епископ Массилии (нынешнего Марселя), был вынужден в пятом веке подвести позорный для церкви итог: «Люди стали хуже, чем они были раньше!».⁹ Даже Бонифаций не может не привести в пример нравственность некрещеных, языческих древних саксов развращенному сластолюбцу и насильнику монахинь, похристиански крещеному английскому королю Этельвальду из Мерсии, говоря, что «они – хоть и не знают Бога и его законов – по природе своей творят дела закона и тем самым говорят, что он заключен в их сердцах».

От свободного сакса к «плачущему рабу»

Какие противоречия таких столь противоположных законов сущности разрывали и терзали индивидуума, какие психические мучения, какие замешательства и заблуждения приносили этим людям потеря подлинного самого себя, систематическое разрушение религиозной идентификации христианским лишением корней, решениями чужаков и чуждым воспитанием, можно как бы через лупу рассмотреть на примере судьбы сына как раз недавно насильственно крещеного народа саксов, ставшего в период скорбного испытания на разрыв между его

саксонством и христианством одним из самых зрелых и опередивших свое время поэтов и, после шотландца Эриугены, самым независимым умом своего времени – и бунтарем¹⁰.

Сын саксонского графа Берна родился в 804 году и был передан для воспитания в монастырь Фульды, где он после ранней смерти отца, сделавшей его наследником большого поместья и заманчивым источником дохода, будучи еще несовершеннолетним, был принужден местным аббатом принять монашеский постриг. Когда в 23-летнем возрасте он после последующего обучения в монастыре Райхенау вернулся в Фульду, конфликт вырвался наружу. Готшалък, не чувствуя в себе призвания к монашеству, по воле наполнявшего его неудержимого саксонского стремления к свободе, потребовал своего освобождения от пострига и получения назад своего унаследованного владения. Однако аббат Рабан Мавр удерживал непокорного в монастыре. Ради «закона свободы» Готшалък решился на неслыханное. Он подал архиепископу Майнца жалобу на Рабана Мавра, обвинив того в насильственном лишении свободы и имущества. По приказу императора Людовика Благочестивого в Майнце был созван церковный собор, на который прибыли пять архиепископов, двадцать четыре епископа, четыре хореепископа и шесть аббатов. Здесь и высказал чудовищное обвинение против своего аббата «Готшалък, сын графа саксов Берна, утверждая, что аббат постриг его в монахи вопреки его воле, схватил его силой и приковал к монастырю». «Сына свободного человека», неуклонно объяснял юноша высокому собранию, «нельзя сделать рабом и принуждать к *servitium Dei* (службе Богу) в виде монашеской жизни. Пожалуй, все человечество должно служить Богу, но не по правилам монашества и не согласно монастырской дисциплине. Человек может обрести спасение и без монашеского обета. А быть монахом означает быть рабом». Он боролся со всей страстью, и действительно собор освободил его от обета, но решил оставить его поместье в собственности церкви. Однако Готшалък смело возразил против этой несправедливости, и так как даже Рабан Мавр видел, что из-за «беглого саксонского монаха» может «пошатнуться» все монашество, дело поступило на рассмотрение самого императора.

Источники, впрочем, молчат об исходе дела и также об, очевидно, самом отпущенном на «свободу отцов». Вплоть до дня, когда мы снова видим его – спустя многие годы – и на этот раз вновь как монаха, в монастыре Отвилье близ Реймса: совершенно изменившегося, в котором нет ничего от его сопротивления, ничего не знающего о невыносимом рабстве «служения Богу», без следа гордого убеждения в том, что спасение человек может найти и без монашеского обета. Он, столь ожесточенно боровшийся в одиночку против церкви и империи и с таким большим трудом завоевавший себе свободу, сам добровольно снова отказался от нее.

Почему – этого мы не знаем до сегодняшнего дня. Эта перемена взглядов необъяснима – и тотальна. Из его великих гимнов божеству – уже мальчиком он сочинял нежные, искренние песни – на нас глядит совершенно изменившееся, отмеченное «слезами и страхом» лицо, человек, «сломавшийся под тяжестью безграничных грехов», «плачущий раб», который «из глубокого мрака преисподней» вопиет о сострадании:

«Обвитый грешными оковами
разбудил я прегрешениями Твой гнев,
Увы, что будет со мной, несчастным!»

В этой сломленной внутри личности, однако, все еще сохранилась непреклонность сакса, мощная сила воли, упрямая бескомпромиссность, которые теперь привели его снова к конфликту с правителями и с церковью, – и на этот раз из-за избытка бытия грешника и раба делают его еретиком. В этом злополучном саксе в монашеской рясе открывается страшная трагичность, исходящая из несовместимых, враждебных друг другу религиозных духовных путей и способов переживания¹¹. Здесь исходящие из первоначальной единственности германская непосредственная связь с божественным – еретическим образом включающая посредничество церкви – и германская безусловность согласия с любой судьбой, как бы то ни было, выступают на службу учения Августина об обреченности каждого человека с его рождения на первородный грех и о наступившем еще до самого его рождения предопределении к святости и проклятию. Да, они превосходят христианский взгляд на предопределение полностью несвободного человека к спасению или к наказанию в аду таким же непреклонным, неизменным, гневным Богом, жесткую волю которого Готшалк безоговорочно одобряет и столь же смело защищает, как его предки бесспорно и смело отдавались своей судьбе. И как раз эту веру Готшалк сохранил в себе до смерти. Потому что, когда его старый противник, Рабан Мавр, получивший почетное звание «учителя германцев» (*Praeceptor Germaniae*), обвинил его в ереси, Готшалк был приговорен созванным собором в Кверси к бичеванию, вечному молчанию и вечному заключению. Все присутствовавшие епископы и аббаты собственноручно провели бичевание в досель невиданной форме, о которой архиепископ Лионский Ремигий с большим возмущением писал: «Потом в таком неслыханном примере безбожия и жестокости этого несчастного бичами и ударами кулаков бросили на землю, до тех пор, пока он, полумертвый, не был вынужден собственноручно бросить в разожженный им огонь книгу, в который он собрал изречения из Священного писания, которые собирался зачитать на соборе».

Двадцать лет томился осужденный в полном молчании и уединенности в своей сырой темнице, где и умер 30 октября 869 года, ни разу не поддавшись предложениям облегчить его условия его заключения взамен на отказ от религиозных убеждений.

Как народ учится презирать самого себя?

Грех – слово, которое было посеяно в сердца всех крещеных – это не ложь, не кража, не лжесвидетельство, – нет, это грех из лона матери, принесенный в мир непослушанием Евы и унаследованный всеми людьми без различия, который нельзя искупить ничем, даже при самом большом желании, даже самыми добрыми деяниями. Грех, из-за которого они подлежат временным и вечным наказаниям, если милость Господня не поможет. Грех! Как научить народ тому, что глубоко противоречит самому его внутреннему существу и тому, как он сам себя понимает с незапамятных времен?

Теперь грехом стало все, что испокон веков делало здесь человека человеком и что было для него свято. Однако, чтобы больше не прятаться в божественном спасении¹² не чувствовать себя просвеченным и несомым им, чтобы больше *не* предписывать даже самому себе меру, которой измеряют самого себя¹³: своей честью, чтобы выдержать свой собственный приговор, чтобы доказать свое достоинство *самому себе*, чтобы смочь уважать самого себя, чтобы *наоборот* воспринимать себя как грешника, чувствующего себя недостойным спасения своей души за собственные заслуги, для всего этого требовалось полная перемена сознания. Нужно было «сжечь» все, что было свято *ему*, порвать со всеми корнями, удерживающими его бытие, переоценить все ценности, сменив их на абсолютную противоположность – и не только религиозные. Ибо если религия – это цельное отношение человека, то смена ее функции здесь в Европе означает переоценку почти всех этических, социальных и прочих человеческих основных ценностей, которые определили его человеческий род и его человечность. Не было ни одного поля, на котором не вырвали бы из земли свое и подлинное, и не посеяли бы вместо него чужое семя.

Очернение всего того, что прежде несло «спасение»

Глубокое самоотчуждение, которое оставило до сегодняшнего дня свои глубокие следы, поразило женщин. Германские женщины¹⁴, которые как независимые личности стояли *рядом* с мужчиной с собственной честью и той же самой свободой принятия решения и жили теми же целями, были поражены в самое сердце тем новым образцом, который им навязывала церковь¹⁵. Они стали дочерьми Евы, которую только что крещеным саксам в «Древнесаксонском Бытии» священником Кэдмоном была представлена как «женщина позорного поведения», которую так проклинает ее Адам:

«Воистину! Ты, Ева, ознаменовала наш путь бедой!
Теперь ты можешь видеть, как черный ад раскрывает пасть,
Жадную, ты можешь слышать, как резко грохочет она снизу...
Теперь раскаиваюсь я, что я просил Бога неба,

Чтобы он тебя создал здесь для меня из моих членов.
Теперь ты соблазнила меня к ненависти Господа моего,
Так что я раскаиваюсь теперь и всегда,
За то, что я видел тебя своими глазами!»

Но Бог гневно обращает к Еве и к саксонским мужчинам и женщинам свое страшное проклятие: программу, которая в будущем станет долгом не только женщин, но и мужчин:

«Уйди прочь от радости!
Ты должна быть во власти супруга!
От страха перед твоим супругом в глубоком испуге,
Должна ты искупить заблуждение в низости твоих поступков...»¹⁶

Беспощадность, которая отныне возносится в проповеди и обучении, воспитании и поэзии¹⁷, в словах и делах, в наказаниях и избиениях, в осквернении и в поругании женщин, в презрении и в ненависти к женщинам вырвалась наружу и объединилась с безумием ведовских процессов и массовых сожжений ведьм, так же невообразима как слезы, выплаканные на протяжении тысячелетия, и горе, которое было причинено этим гордячкам, перед свободным и цельным человеком в новом унижении ставшими обязанными превратиться в калек своей человечности и в слабых, недееспособных и принужденных к послушанию, ибо подавшимися скверным инстинктам грешниц, которые «отдалили от Бога» мужчину. Женщин, которым у германцев, по словам Тацита, «было присуще нечто священное»,¹⁸ которые особенно искренне и глубоко были связаны с божественным и несли самое большое благо и спасение в себе. К тысячам их был тогда буквально применен приказ о крещении Ремигия, епископа Реймского: «Сожги то, чему поклонялся!» Как перепыхивающее все вокруг торнадо незваное и нежеланное ультрамонтанское вторжение пробивало себе свой разрушительный путь, вламывалось в самые интимные области любви, брака и всех естественных связей семьи, рода, народа, отчуждало и извращало смысл труда, борьбы и мира, жизни и смерти вплоть до самых основ. Она «превращала» – согласно распоряжению Папы Григория III¹⁹ – унаследованные религиозные обычаи, уважение к мертвым и праздники памяти предков в «память о святых и святых мучениках», возвысила Еву, мать грехов, к матери всех людей, и дала народам Ноя как их родоначальника. Если короли готов и лангобардов вели свое происхождение от Одина, норвежские и шведские короли возводили себя к Богу, как сам народ воспринимал себя как людей божественного происхождения²⁰, то царь Давид и Мельхиседек, царь-священник Иерусалима во время Авраама, оказались теперь главами германских европейских королевских домов. Изменение, которое не только являлось переменой имен, но и глубоко вмешалось в историческое сознание и в ход истории. Ибо король²¹, как и женщина, особым образом наполнен «благом», и политическое общество, государство,

империя²², святые из-за божественного происхождения народа, теряют при распределении ролей, которое предназначил африканец Августин²³ Римской католической церкви (как „civitas dei“, как Царству Бога, царящей над „civitas terrena“ или „diaboli“, земным или дьявольским царством, совокупностью светских государств руководимых дьяволом обуянных земными страстями и врагами Бога, которые отвергнуты Богом и предопределены к упадку) их характер святости, их честь, их независимость, их идентичность.

«Солнце исказило свет»

Полностью с тех пор как дух Ключийской церковной реформы проник в Ватикан, и с ним вспыхнуло враждебное противоречие между римским и германским притязаниями на святость²⁴ как между иерархией и империей, между папой и императором, которого Папа теперь мог бы выгнать из храма как «позорящего храм торговца» и становился бы подданным перед любым самым мелким священником, разверзлась пропасть, древнее божественно-светское единство было разбито враждебным восточным дуализмом противоречивых, несовместимых, различных по степени противоположностей. Раздор сломал весь порядок империи, распространился как несчастье по всему нравственному и космически организованному миру, так что – как сетовал поэт Вальтер фон дер Фогельвейде – «солнце исказило свет», даже «у птиц на небесах вызывает жалость наша нужда». «Смотри, как римский земной круг, окутанный тьмой, лишенный верности, движется к преступным начинаниям и самым гнусным поступкам!» – кричал потрясенный Отто фон Фрайзинг, отпрыск королевского рода. Разрушение религиозных оплотов, осквернение всего земного и человеческого, на чем покоилась святость империи, «принесло так много горя, так много опасностей для тела и жизни, что одного лишь его было достаточно, чтобы объяснить это злосчастное человеческое бедствие».²⁵

«О, горе мне, я как тухлая рыба и вонючая падаль»

Поистине уничтожающе ударила религиозная «смена полюсов» и лишение святости по сознанию людей и по их формирующемуся самопониманию. Воспитание угрозами Страшного Суда и муками ада, разжиганием страха и обещаниями, «что вы можете радоваться в вечности там, где нет никакого конца, нет мучений, печали, а только вечная слава» при условии, что вы будете принадлежать к «сыновьям избранных», при условии, что они оказываются достойными такой милости, если они признают свою ответственность перед Богом как несчастные и грешники, которые чувствуют себя неспособными к спасению и благу с помощью собственных заслуг, требовало разрушения самоуважения и чувства собственного достоинства, то есть, презрения к самому себе и растаптывания своего «я».

До какого самоунижения и какой ценой это могло происходить, показывают дикие самообвинения одного человека по имени Генрих, который жил в 1150 году в австрийских Альпах и которому «в его слишком большой слабости» и «нестойкости» стал слишком тяжел «свинцовый груз грехов», потому он и взывал к Богу и к Иоанну-Крестителю:

«О, горе мне, я пыльный пепел, я летучие плевелы,
я – тухлая рыба от грехов вплоть до рыбьих костей...
Я хрупкий обломок печи – что, если я умру завтра?
Кому я сегодня приятен, тому завтра я отвратителен,
я вонючая падаль –
увы, как часто я лгу, в том, что я обещаю Богу.
Грехов червивые язвы,
они испортили мою душу и убили меня как Лазаря;
моя совесть гниет во мне,
если меня не поправит креститель Бога,
твоя чудесная милость без всех моих стремлений...
Тогда я нечистый, я злобный, я завистливый,
я гневный, я корыстолюбивый, я подстрекатель к злу,
я ростовщик дьявола, я всех пороков боевой рог,
тогда избрал я тебя, знаменосец Бога».²⁶

Четыреста лет прошло со времен Бонифация: Из германцев сделались христианами.

II Обновление религиозной идентичности

Тем не менее, тотальная самоидентификация с религией грешников – даже если стало привычным подписывать документы именем и лихим дополнением „*reccator*“, «грешник», – так никогда и не стала правилом. Тем более, не в случае с более активными, более независимыми умами. Назло всем усилиям священников, направленным на переориентацию сознания через «выращивание с молоком христианского учения», тип и манера подлинного мышления сохранились. Да, это мышление невольно преобразовывало со своей стороны чужое духовное содержание собственным видом понимания, так что заговорили о бессознательной германизации христианства. Этим объясняются существенные различия христианства в разных его национальных формах, например, коптского христианства, которое несет неповторимые египетские черты, сирийского, греческо-православного, африканского, латиноамериканского, итальянского, французского, немецкого, нидерландского, английского и так далее. Однако под постепенно успокаивающейся поверхностью так никогда полностью и не успокоилась вулканическая лава внутреннего сопротивления. Снова и снова за

полтора тысячелетия сквозь покрытие западноевропейского христианского мира извергались, подобно вулкану, сопротивление, восстание, протест против продиктованной веры, которую никак нельзя было согласовать с собственными убеждениями.

Европейский контрудар против библейского мифа грехопадения

«Это неверно, что жалкая ситуация, которую вызвал Адам, имела роковые последствия и передалась по наследству всем людям. Грех – это возможность выбора, перед которым стоит человек!»¹

Так возмущается прибывший с севера Британских островов в Рим Пелагий по поводу учения Августина о первородном грехе. «Мы противоречим Богу, якобы он – первопричина человеческих слабостей жалких грешников – о, слепой вздор!» Как мог бы *один* грех потянуть за собой неминуемую погибель вселенского масштаба? Погибель уже самых маленьких, новорожденных? Нет, человек рождается безгрешным, и милость Бога обнаруживается в свободной воле, которую Бог дал человеку, чтобы он мог либо грешить, либо избегать греха, в свободе выбирать Добро или Зло, и в силе, также и осуществлять это Добро. Ибо это сила Бога, которая действует в нас, как и сама воля Бога, которая как свобода действует в нас и через нас.

«Именно в нашей душе есть нечто естественное – если я так могу сказать, святость»².

В каждом человеке есть силы подняться над тесными оковами инстинктов и над принуждениями природы и стать добровольным исполнителем божественной воли. Эта привилегия – это наш самый большой Божий дар: свободно и добровольно связать собственную волю с его волей.

«Я не повинуюсь ему, но я соглашаюсь с ним. Я следую за ним по *своему собственному* убеждению, а не потому, что я это должен».

Это не голос человека, сознающего греховность, тоскующего по освобождению. Это уверенная речь человека, который следует за Богом по своей свободной воле или отказывается делать это, и в сравнении с такой его свободной преданностью вынужденное послушание – это ничто. Принуждение уничтожает. Принуждение разрушает связь между Богом и человеком. Только свобода автономного человека воплощает ее, которая дает себе самой закон и ответственна перед самой собой. И он в одиночку поступает нравственно. Но не человек, который верит в собственное бессилие и в свое бытие, освобожденное лишь благодаря Христу.

Пелагий встретил в христианских кругах Рима одичание обычаев и порочность, вину за которые он возлагал не на врожденную греховность и на слабости человека, а на веру в то, что человек уже был спасен и навечно. В этом ужасающем процессе общего падения нравов и религиозного упадка веры он винил христианское учение о грешной природе человека и веру в уже произошедшее освобождение всех крещеных, спасенных смертью Христа на кресте: это они, по его мнению, были виновны в недостающей *нравственной ответственности* отдельного человека. Христианская проповедь человеческой слабости ответственна за потерю нравственности. В противоположность этому он учит о человеческой силе:

«Мы должны верить в нашу силу, учиться распознавать ее и использовать наши силы, которые велики! Из нас самих и в нас самих у нас есть все, что необходимо, чтобы исполнить божественный закон».³

«Твое дворянство, твое высокое положение, твои богатства», пишет Пелагий в письме одной 16-летней девушке из богатой римской дворянской фамилии, «не зависят от тебя. Однако никто не сможет передать тебе твои духовные богатства кроме тебя самой!» Как уже говорилось: Блаженный Августин одержал победу, Пелагий был осужден, его учение проклинали от одного собора до другого, его труды запрещались, о них было приказано молчать, и они считались пропавшими, пока в начале двадцатого века не был найден один экземпляр. И все же, тут и там поднимается голос, в котором звучит речь давно забытого. Случайно ли это, если в тринадцатом веке немецкий рыцарь в Вене заклеил возможность положиться на спасительную смерть Иисуса как причину безнравственности, божественное предопределение как соблазн к бессовестности?⁴ Разве это лишь слепая двусмысленность мыслей, если в эпоху господства схоластики немецкий доминиканец и провинциальный приор провинции Тевтония, профессор Парижского университета Сорбонны и руководитель Studium generale в Кельне Майстер Экхарт провозгласил единство человеческой воли с волей божественной актом свободного согласия?

«Бог не навязывает свою волю, он освобождает ее: так что он не хочет ничего, кроме того, что Бог и свобода – это одно и то же. Там дух не в состоянии хотеть ничего иного, кроме того, что хочет Бог. И это в нем не несвобода, а это как раз его самая свойственная ему свобода».⁵

Разве это просто случайность, что в Англии восемнадцатого столетия граф Шафтсбери,⁶ реабилитировал оклеветанного как грешника человека, назвав его самозаконодателем, который как проявление божественной первопричины в себе самом несет источник нравственности? Произвольное ли совпадение, что в том же самом столетии – через 1400 лет после Пелагия – в трех разных местах Европы одновременно спонтанно и с точным смыслом проявляются пелагиан-

ские мотивы и воспринимаются как далеко раздающаяся мелодия? Если в Швейцарии Генрих Песталоцци⁷, в Кёнигсберге Иммануил Кант, в Йене Фридрих Шиллер, «засыпают пропасть» между «страшным проявлением» находящегося вне мира Бога и «чужого диктатора» и грешным человечеством в «его печальной наготе» *единством* «самой сокровенной нашей природе» присущей «святой, божественной сути», «божественного в собственной груди» и в собственной воле, «безусловного, что в самом себе говорит как нравственный закон»? ⁸ Если Шиллер призывает христианский мир:

«Примите божество в вашу волю,
И оно поднимется со своего мирового трона»?⁹

И если Кант выводит человека из его «произошедшей по собственной вине недееспособности» к самостоятельному, автономному Самому себе, и из столь виновного «бессилия пользоваться своим разумом без руководства другого», признавая за ним достоинство, свободу и способность давать самому себе закон своего познания и своего действия, и добровольно подчиняться ему ни по какой другой причине, кроме как из уважения к закону и его божественной основе¹⁰? Не доказывают ли эти и сотни других голосов, что один и тот же скрытый религиозный поток, один и тот же образ мыслей под более или менее удачной христианизацией европейских народов протекает сквозь тысячелетия, проявляясь в стихийных еретических противоречиях, происходящих без примеров, без взаимного соприкосновения, но совпадающих как в углах, в которых происходят толчки, так и в возражениях? Знаменитая биография сохранила нам событие, которое показывает неслучайный характер таких соответствий и с непревзойденной силой убеждения доказывает религиозную идентичность в пределах длительных периодов.

На синоде «Братской общины», пиетистского движения пробуждения, учение которого основывалось на примирении глубоко-грешного человечества с Богом в результате смерти Христа, в конце восемнадцатого века простоудушно беседовал один молодой заинтересованный участник, который крайне удивился, что его не хотят признавать христианином, – да, он даже был очень испуган, когда ему пришлось перенести «большую проповедь о наказании», и один из членов синода ругал его за то, что он «настоящий пелагианец». Затем опороченный начал искать все, что он мог узнать об этом полностью неизвестном ему Пелагии – и столкнулся с миром, глубоко родственным ему. Его убеждениями «я был проникнут столь глубоко, хотя и не знал этого».¹¹

Речь тут идет о двадцатипятилетнем Гёте, который после этого потрясшего его события начал писать свою драму «Прометей»¹², самый мощный протест против «богов там наверху». Потому что пока там Прометей с высокомерным смехом отражает своих врагов, он с удивлением узнает в себе, в своей творческой силе

само Божественное. То, что он считал своим, это божественное в нем и с ним неразделимо единое:

«Так я сам не был собою,
И божество говорило,
Когда я воображал, что говорю
И воображал я, что говорит божество,
Когда говорил я сам».

Так сильно живет в Гёте это древнее переживание единства человека с божественным, в силу которого тот обладает свободой принимать решения, прилагать усилия для осуществления своих стремлений, но также и ошибаться; и поэт изобразил тот внутренний компас, который сопровождал его на всем его длинном жизненном пути, в образе Фауста. Здесь все является единственным контраргумент против того учения, с которым боролись уже в Мариенборне, об «испорченности человеческой природы в результате грехопадения» – здесь звучит то же возражение, «что даже вплоть до ее самого внутреннего ядра в ней нельзя найти самое незначительное добро» – здесь заметно жесткое возражение против мысли, что человек должен «совершенно отказаться от собственных сил» – тот же протест, что «он должен всего ожидать от милости», как Гете в «Поэзии и правде» следовал своей полемике с пиетистами. Речь идет о человеке: здесь Мефистофель, который ставит под сомнение человека как невообразимо высокое творение Бога и уже предвкушает свой триумф, если он стащит его в порочность пожирающего прах «знаменитого змея» – там Господь, который передает Фауста черту, может его передавать, так как в нем есть божественный источник:

«Они тебе даны. Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет, вынужден блуждать.
Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади.
Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика».¹³

Бог может – и это явное возражение европейского человека против восточного мифа грехопадения – не раздумывая предоставить Фауста соблазнителю и предоставить его самому себе, не вмешиваясь, так как человек никогда не может утратить свой «первоисточник», свою божественную первопричину, внут-

ренную магнитную стрелку, которая вопреки всем заблуждениям показывает ему правильный путь.

Европа утверждает «Спасение» против восточного дуализма

В разногласиях вокруг христианского, дуалистического расщепления бытия на потусторонний мир, из которого личный Бог вмешивается как любящий отец, награждая и наказывая, в дела мира земного, лишённого всего божественного, потерявшего спасение из-за гнева и милости, проявляется древний, специфически европейский праопыт *одного* бытия и единства Бога и мира, пробуждающийся во все новых аспектах, и прочувствованный, продуманный и глубоко укорененный в европейской религии¹⁴. Мужчины и женщины из всех европейских наций, из всех сословий и профессий, итальянская графиня и нидерландская крестьянка, и французская герцогиня, английский епископ, немецкий сапожник, швейцарский врач и французский ювелир, много английских физиков, немецкие философы и поэты, также как иезуиты, доминиканцы, францисканцы, бегинки, братья свободного духа, священники, монахи и преследуемые общины, которые эмигрировали в Америку и дали США трех самых выдающихся президентов¹⁵, люди самых разных характеров и темпераментов – они все, которых не могли удовлетворить чужие религиозные представления и в своих спорах с ними находили свою собственную религиозную идентичность, они все в часто далеких друг от друга местах, подвергавшиеся церковным угрозам, гонениям, казням, часто не зная друг о друге, как в тайном соглашении вместе озвучивали одни и те же темы, как одни и те же звуки звучат в едином мощном хоре.

Развивает ли Майстер Экхарт уже повсюду прорастающие мысли о божественном, присущем глубине человеческой души – где продолжает звучать германское «спасение» как причина существования – в проникающей вглубь светом, творческой интуиции о «рождения Бога в душе» проявляется к повторному освящению униженного человека и к излечению единства человека и Бога от его разрыва, от отношения слуги и господина и вечного поиска спокойствия в Господе Боге к полной сил, наполненной «спасением» деятельной жизни и вечного становления, не пожираемого никакой боязнью и заботой, слабостью и страхом¹⁶, – за ним следуют преемники во Фландрии и Нидерландах, в Южной Германии и Швейцарии, Генрих Зойзе (Зузо) и Иоганн Таулер, франкфуртские тевтонские рыцари и многие другие, хоть и не достигшие масштабов этого необычайного человека, но идущие по его стопам. И не только они одни. Волнение из-за в корне отличной от христианской так называемой «немецкой» мистики расширилось до народного движения европейского масштаба.

Как точно и как глубоко Экхарт постиг ощущение и тоску народа, испуганного церковными проповедями о конце света, направленными в потусторонний мир, доказывали любовь и симпатия, которыми отвечали ему его слушатели. Там он

очень точно узнал, как он сказал в лицо своему инквизитору, основной повод для его устранения: не будь у него такой популярности в народе, «мои завистники и не пытались бы действовать против меня»¹⁷.

Во время одной проповеди он однажды внезапно остановился, унесенный высоким полетом своих мыслей, и утешительно уверял своих слушательниц: «Кто не понимает эту речь, пусть не тревожит этим свое сердце. Так как если человек не равен этой правде, то он не поймет эту речь. Ибо это обнаженная правда, пришедшая непосредственно из сердца Бога».¹⁸ Именно эта доверительная привязанность народа и его общительность, однако, доказывали ему, что его слова о цельном единстве самой сущности человеческой души с божественным находили *непосредственный* отзвук в их сердцах. Из-за чего? Потому что как раз эти люди «*были равны этой правде*», так что она непосредственно обращается к ним, так как она соответствует их собственному существу, и они в этом совпадают. Религиозная идентичность!

И хотя это народное движение, где бы оно ни происходило, в Аррасе, в Орлеане, в Турине и Париже, в Нёрдлингене, Госларе и Кёльне было задушено или потоплено в крови, да еще и безжалостно преследовалось и изгонялось лютеранской нетерпимостью, оно неискоренимо упрямо течет сквозь столетия. И это повторяется, что случалось уже с духом пелагианства: хотя произведения Майстера Экхарта, прежде всего, его немецкоязычные проповеди и трактаты, на протяжении веков были забыты, немногочисленные листки были спрятаны в произведениях других авторов, даже само имя этого великого религиозного духа Средневековья было забыто и возвращено будущему поколению только Францем фон Баадером в 1816 году. Тогда, к своему все большему удивлению, ведущие умы в Германии почти без исключения прямо недоверчиво и со светлым энтузиазмом обнаружили в нем прямые совпадения с мыслями, элементами и частями их собственных произведений, первоначальное духовное родство мышления, счастливое единомыслие. «Гегель», как сообщает фон Баадер, «был настолько воодушевлен» внутренним согласием с предшественником, что закончил свою яркую речь словами: «Вот тут у нас и есть то, чего мы хотим!» Самый ярый противник Гегеля Артур Шопенгауэр никак не мог подобрать достаточно хвалебных слов о «чудесных произведениях мастера мастеров», «апогее немецкой мистики».

Дух Экхарта пронизывает уже произведения ничего не знающих об его трудах дрезденца Валентина Вайгеля, священника в Чопау, и сапожника из Гёрлица Якоба Бёме, движение силезского дворянина Каспара фон Швенкфельда, которое сегодня продолжает существовать в США, и ошлифованные как драгоценные камни двустушия врача Иоганна Шеффлера, называвшего себя Ангелус Силезиус, но самым удивительным образом, тем не менее, видны они в наполненном глубокой религиозностью мире идей Иоганна Фихте. Возбудителями как

всюду были восстание против дуалистических расколов бытия античного и христианского происхождения, решительный протест против веры в потустороннего, личного Бога-творца и против его откровений через Священное писание и через Сына Божьего, смерть которого должна принести освобождение испорченному грехопадением человечеству, при единственном условии веры в Него, для чего, однако, требовалась бы милость Господня. Из-за этого Саксонский церковный совет выдвинул против профессора философии в Йене «обвинение в атеизме» и назвал его «врагом всех религий». Фихте ответил на обвинение своим «*Воззванием к публике против обвинений в атеизме*» в 1799 году «*Указаниями для счастливой жизни*» после лекций в Берлине в году 1806, которые причислялись к «самым зрелым и самым глубоким произведениям всей литературы человечества».

«Ужасному идолу», которого люди создали себе ради единственной раздачи счастья и наслаждения, тут противостоит – как и для Экхарта – божественное, которое в его непонятности не может быть охвачено никаким определением, а коснуться его можно только отрицаниями – как у Экхарта «нелицо», «недух», «небог» – или только в молчании. Вернулось отношение человека и Бога в их единственности в существе, в желании, в жизни и деятельности, возвратился указанный Экхартом путь от «иметь Бога» к «быть Богом», это значит к «истинной жизни» через отчуждение от всех эгоистичных желаний и от привязанности к вещам, к успеху, к наслаждениям, даже от всякого эгоистичного стремления к благу, до «вообще больше не две, а только одна, и больше не две воли, но вообще, только лишь одна и та же воля является всем во всём». Вернулся также указанный Экхартом поворот наполненного Богом человека от глубины его души к миру действия и, как для Экхарта, бескорыстного и бесцельного действия „sunder warumbe“ («без почему»), где человек действует вместе с Богом, „alliu siniu werc“, как "ein mitwuerker“, соратник Бога. И для Фихте Бог тоже причина воли и долга к действию, которое не стремится к успеху, где человек живет только в деянии, исключительно как деяние; так как «он хочет этого потому, что это воля Бога в нем и его собственное, настоящее участие в бытии».

«В этом действии не человек действует; а сам Бог в своем первоначальном внутреннем бытии и сущности действует в нем, и через него человек делает свое деяние».¹⁹

Соответствие в мышлении Экхарта и Фихте настолько велико, что оно временами выходит за пределы содержания и затрагивает даже язык текстов. Если Экхарт в начале четырнадцатого века учил: «Бог и бытие – одно и то же», и то, что вне его – это ничто, то Фихте спустя почти пять веков писал: «Есть лишь Бог, и вне его нет ничего».

И двойственность случаев – в том же году, когда вышло «Воззвание» Фихте, в Париже был напечатан анонимный труд «О религии», обращавшийся «К образованным людям, ее презирающим». Также и здесь виден протест против тесноты и темноты мира, проклятого как грешного! Автор, тридцатилетний Фридрих Шлейермахер, проповедник в берлинской больнице «Шарите», был захвачен неслыханным опьянением свободы и счастья когда он «совершил великое действие, сбросил фальшивую маску, долгий и тягостный труд святотатственного воспитания» в больной и приносящей болезни христианско-пиетистической вере. Также и его мучит жалкая «рабская служба и идолопоклонство» каждой религии, основанной на посредничестве и книгах, и его, после того, как он обрушил «боязливую перегородку» дуализма, встречает «отблеск» божественного во всем, но в наичистейшем виде в «самой глубине своего «я»»:

«Сколько раз я не обращаю свой взгляд внутрь самого себя, столько раз я одновременно оказываюсь в царстве вечности».²⁰

И столь похоже на Майстера Экхарта, хоть и не зная его, он просит «образованных среди презирающих ее – христианскую – религию», чтобы они освободились от всего, «и чем больше Вы сами исчезнете, тем яснее предстанет перед Вами вселенная, тем великолепнее Вы будете вознаграждены за страх самоуничтожения чувством бескрайнего в Вас». В «самоуничтожении» раскрывается душа для влияния божественного, так что она пробуждается к жизни, и рождается «новый человек», вся жизнь которого должна «исходить отныне из его собственного источника»; в сознании, что во всем в любое время через него говорит, действует и проявляется божественное. Когда Шлейермахер ставит людям императив:

«Стремитесь к тому, чтобы стать больше чем вы сами! – Стремитесь к тому, чтобы посреди бесконечности стать одним с бесконечным и быть вечным в каждое мгновение!»

то он осознанно противоречит основывающейся на «безбожии» и «самообмане» вере в два мира, ищущей «бесконечное вне конечного» и «делающей различие между этим и тем миром», блеск которого, как он ясно понимает, никогда не может лживо отрицать «свой высокий и иностранный цвет»²¹. Тем самым он присоединяется, не догадываясь об этом, к бесконечному ряду всех больших умов Европы, единогласно и из внутренней необходимости отвергших «иностранное» требование удалить прочь из мира бескрайнее, вечное, святое, божественное и поместить во втором, отдаленном мире, и вернувших это действительности.

Европа хранит единство бытия от ее дуалистического разрыва

«Все, по крайней мере, имеющие религию», оправдывает Шлейермахер жесткий отказ от всеми воспринимаемого чуждым дуализма, который разрывает все бытие, «верят только в одно». Именно эта цепь, начиная с Анаксимандра и Гераклита, ионийских мыслителей досократовского, доплатоновского, додуалистического эллинизма, протянулась вплоть до современности через Эриугену и Экхарта, Николая Кузанского и Джордано Бруно, Канте и Фихте, Шеллинга и Гегеля, Гёте и Гёльдерлина, Тейяра де Шардена и Карла Ясперса и бесчисленных других, при полном единогласии их веры. Для всех их бесконечное и конечное образуют неразделимое единство таким образом, что божественное создает другое, более глубокое измерение, чем безграничная вселенная и беспредельность чувственно-конкретной природы, реальность, недоступную для чувственного восприятия и одновременно охватывающую и пронизывающую весь мир в ощущениях, вселенную, которая одновременно бесконечно выходит за пределы и при этом существует во всем, при всем том вечная и, все же, во всем современная основа глубины и бытия, заставляющая существовать все сущее, которая живет и действует во всем.

Неоплатоническое произведение, которое страстно желал прочесть внук Карла Великого, император Карл Лысый, вызвало еще один специфически европейский протест, который с середины девятого века до современности становился все сильнее и многоголоснее. Если первый протест поднялся против объявления греховности *человека* в соответствии с библейским мифом о грехопадении и учением о первородном грехе африканца Августина, то этот протест вспыхнул от объявления грешным *мира* через порожденный временем упадка средиземноморской культуры христианский неоплатонизм²² и его учение о постепенном падении с бесконечно далекого от мира первоначального единства к удаленному от Бога, темному, злему материальному миру. Прибывший тоже с Британских островов, как знакомый императора, руководитель придворной школы и переводчик той книги живущий на императорском дворе около Парижа Скот Эриугена, который – как Пелагий, не будучи ни монахом, ни священником – был из-за его труда «*О начале природы*» включен в Индекс – список осужденных церковью и запрещенных книг под номером 1. Этот самый гениальный мыслитель своего времени недвусмысленно разъяснил прямо в начале произведения, что он оставляет за собой свое собственное мнение независимо от любого авторитета, «который не одобрен подлинным разумом», который, со своей стороны, «так как он уверен и прочно опирается на свои собственные силы, не нуждается в каком-либо подтверждении согласиём какого-либо авторитета».

В нем все противилось неподвижному, находящемуся в полной пассивности праединому божеству и его безвольному перетеканию в постепенно ослаблен-

ную действительность, что заканчивалось в оклеветанной «природе», которую платонические и христианские подозрения наделяли всеми отрицательными свойствами. Он страстно спорил с этим крайним дуализмом:

«Мы не можем рассматривать Бога и творение в качестве двух разделенных друг от друга понятий, но как одно и то же; творение основывается на Боге, и Бог создает себя в нем чудесным и невысказываемым способом, когда он обнаруживает в ней самого себя, когда невидимое становится видимым и непонятное понятным, и единое становится множественным... тогда, когда бесконечное становится конечным... Творец всего, ставший во всем, который вечно начинает быть и как неподвижный движется и воплощается во Вселенной, который становится всем во всём».²³

Когда Бог в непрерывном творении проявляется во всем, он создает себя самого во всем. Таким образом, Бог и мир различны в образе бытия, но едины и идентичны в их сущности.

«Все исходит из Бога, и Бог во всем и все появилось нигде и никак, кроме как из него самого, так как все явилось из него самого и через него самого и в нем самом».²⁴

Материя, для восточного дуализма любой формы крайняя темная противоположность единственно светлого духа и зародыш всего злого – для Эриугены она часть божественного и обладает божественным образом:

«Сам по себе Бог пользуется случаями для своих явлений и появлений, так как от него, благодаря ему, в нем, к нему существуют все вещи. И потому также сама материя, из которой сделан мир, от него и в нем, и он сам есть в ней, если, вообще, ее бытие узнаваемо».²⁵

В человеке только Бог приходит к осознанию самого себя. В духовных, творческих силах человека он действует, и он производит сам себя во всегда новой действительности, так что творящий с божественными силами человек становится сотворцом Бога.

Божественное проникновение природы в процессе становления и исчезновения и всех ее существ от самых маленьких до небесных тел, цветущих растений, птиц и всех животных, ее содействующих жизни и разрушающих элементов – они все – самовыявления Бога, не обманчивая, бледная видимость. Тогда как Бог создает себя во всем, его реальность не уменьшается – как у Платона -, тем более не исчезает: – также как для неоплатонизма – в несуществующем, наоборот! Бог в природе проявляется в богатой, возвышенной действительности.

Эти столь близкие и внутренне родные для европейского человека обожествление природы и святость природы, проклятые, запрещенные и преследуемые судами инквизиции и церковными соборами, где они осмеливались проявиться, как в 1215 году в двух магистрах в Сорбонне, – Амальрике из Бена и Давиде Динанском, в амальриканах, четырнадцать из которых были в 1210 году заживо сожжены в Париже, как и бесчисленные после них, – они охватывали, тем не менее, народ, пусть даже только на короткое время, как опьянение радости в одно время с расцветом пришедшего из арабской Испании миннезанга. Так когда миннезингер из Тироля, рыцарь Фридрих фон Зонненбург, в своих песнях о божественности мира освобождал природу от клейма антибожественности и от ее принижения к юдоли печали:

«О, здравствуй ты, долина божественных чудес!...
Ты нежный сад Бога,
в котором Бог чудесно удивлялся великому чуду!
Если я снимал кожуру с высокого чуда Бога,
Так обнажаю я Бога в его творении!
Кто порицает тебя, мир, тот порицает Бога!»²⁶

Имя и труд Эриугены тоже были забыты после его осуждения и уничтожения его писаний. И все же дух освящения природы нашел себе преемников в бесконечных разветвлениях во всем европейском духовном мире, во всех странах без исключения от Сицилии до Бергена в Скандинавии. Вспоминаются такие имена как Вальтер фон дер Фогельвейде и Франциск Ассизский, Джордано Бруно, сожженный заживо 17 февраля 1600 года в Риме, и Личилио Ванيني, погибший на костре в Тулузе 16 февраля 1619 года, имена Гёте и Гёльдерлина, Гейбеля и Рюккерта, Рильке и Тейяра де Шардена – и тут перечислены только немногие.

На одной из развилок этой широко разветвившейся по всей Европе религиозности Бога-природы в середине пятнадцатого века находился один из самых значительных и – хотя исходящие из него духовные потоки недостаточно раскрыты до сих пор – в существенной мере определивший будущее немецкий мыслитель. Хоть он и поднялся до самых высоких постов в церковной иерархии, все его чувства и мысли исходили от подлинного религиозного наследия Европы. Это был уже упоминавшийся мозелец Николаус из Кузы (1401-1464), прозванный его прежним школьным другом, Папой Пиет II, „Cusanus“ (Николаем Кузанским или Кузанцем), который как доктор права стал папским легатом в Германии, кардиналом курии, генеральным викарием в Риме и советником Папы...

В видении Бога этого величайшего ума встречаются как бы три угла зрения праевропейского образа мысли: метафизика единства Бога и мира Эриугены, бытие Бога в душе в мистике Экхарта, и учение Пелагия о свободе человека благодаря единству Божьей и человеческой воли. Explicatio, развитие, развер-

тивание всего существующего из бытия, всех существ и вещей всей вселенной из Бога – это происхождение и причина всей «неточности» конкретно существующего, всего бескрайнего неравенства, различия и разнообразия в пределах творения, которое не знает повторения, ни в пространстве, ни во времени, происхождение и причина всей жизни, становления, движения всей эволюции. Всё является развитием Бога и исходит от Бога, возникновение и исчезновение, зачатие и разрушение, ничто не может существовать без другого, и даже негативное получает свой божественный смысл из целого.

Тем самым Кузанец настолько глубоко освящает мир, что он не требует уже освящения церковными таинствами или жертвой Христа. Рука об руку с восстановлением древней присутствующей в «благодати» связи Бога и мира Николай Кузанский восстанавливает растоптанную честь и собственное право всего земного, также и человека, который сам является *explicatio Dei*, развертыванием Бога и непосредственно становится Богом – не только Папа, не только священник! Также мирянин, простой человек, – он такой же несущий благодать, как знал уже Экхарт. Этим немец возвращает честь и достоинство любому мирянину, в которых церковь уже столетиями ему отказывала, хотя до перехода в христианство они были свойственны *каждому* человеку.

По такому же принципу Николай Кузанский – за сто лет до простой замены Коперником центра с Земли на Солнце при сохранении твердо-ограниченного, неподвижного античного космоса – отверг восточную, «иерархическую» структуру, где вверху на недостижимой высоте миром правит Бог выше окруженного стеной неподвижного звездного неба над расположенным намного ниже его центром – Землей, под которой разверзся ад, и сменил эту картину на образ бескрайнего, безграничного космоса с бесконечным множеством центров, так как это все является развитием Бога и содержимым Бога²⁷. Так он отказался от дуалистических противоположностей ценностей: небесного и земного, священного и нечестивого, священника и мирянина и превратил их в равноценность бесконечно неравных, разных, индивидуальных людей, каждый из которых по своему представляет бескрайнее, вечное, божественное. При всем различии самых неповторимых индивидуальностей каждый настроен, тем не менее, содержательно на любого другого и на Всё и в силу своей внутренней бесконечности стремится расти и совершенствовать себя, чтобы в свободном развитии заложенных в нем творческих способностей и божественном изобилии бытия стать сосоздателем и партнером Бога. Потому что каждый может быть «истинным» только тогда, если в нем в настоящее время есть Бог, составляющий его бытие. Поэтому только он может быть самим собой во взаимосвязанности свободного богочеловеческого добровольного пожертвования. Стать самим собой – это зависит от себя самого. В своем самом прекрасном и самом основательном труде «*О видении Бога*» Кузанец ведет читателя посредством уподоблений – по «пути сравнения», на котором он обращается к Богу с такими словами:

«Ты говоришь в глубине моего сердца:
,Будь ты самим собой, и я стану твоим собой!
Ты сделал все это ради дела моей свободы,
то, что я, если я хочу, я буду тем же самым.
Если я – не я сам, то и Ты тоже не мой. –
Это зависит от меня, не от тебя».²⁸

Когда человек раскрывается божественному в своей собственной глубине, пускает его в себя, божественное дает ему его самого:

«Когда я слышу Твое слово, которое говорит во мне непрерывно
и постоянно светится в моем разуме,
тогда я сам принадлежу себе, и я свободен
- а не раб греха».²⁹

«Стать самим собой» через «стать единым с Богом» обосновывает свободу человека. Его саморазвитие означает свободное воплощение божественного духа, который говорит через него, силы божественного творчества, через которые он, философией, искусством, техникой сотворяет то новое, что творение еще не произвело, оно означает, наконец, самомышление, которое питает себя не из книг и авторитетов, а опытом из книг природы, которые написал Бог. Единство Бога и человека в человеческом саморазвитии становится партнерством в творении.

В своих еретиках Европа вернула свою разрушенную идентичность

«Все сущее» – так Николай Кузанский, как мы уже слышали сначала, обозначал сущность самоидентификации, «является полностью собой только в своем *собственном* бытии». В «несобственности», «неподлинности» существования он ясно увидел последствия разрушения и потери самоидентификации: «Во всем другом оно может представлять себя только как несобственное». Потому что, добавляет он, перенос «непереносимой идентичности» на кого-то другого с неизбежностью происходит «за счет инобытия» (т.е. это означает «стать другим»). Так в немногих словах была описана им судьба европейского человека на протяжении более одного тысячелетия.

По воле судьбы Европе пришлось жить в вере, которая не была ее верой и не соответствовала ее сущности, переживанию, опыту, чувству, мышлению, которая изнасиловала «ее собственное бытие», преобразовала ее сознание через дуалистический разрыв всего того, что оставалось здесь и для многих, и, установив чуждые и противоречащие ей акценты ценностей, «сменила полюса» и тем самым сломала тот внутренний компас, способность даже вслепую надежно

находить свой «правильный путь». Ведь потеря собственной религии как цельного отношения бытия означает полную потерю собственной идентичности.

Когда народ в ходе болезненного многовекового процесса перевоспитания, жертвуя своей подлинностью, в большей или меньшей степени превращался в христиан согласно проповедуемому ему самопониманию слабого, нуждающегося в милости Бога и освобождении через смерть Его сына грешника, самые мужественные, самостоятельные и творческие умы защищались от притязаний чужой веры и разжигали в конфликте противоречий огонь их собственного религиозного убеждения, исходящего из самой внутренней необходимости существования. Бесчисленные тысячи без оглядки на свою жизнь принимали гигантский вызов, который бросали их мужеству и их творческому мышлению унижение и увечье их человеческого бытия и самого святого для них. Если сначала это были только отдельные титаны, дух которых протянул не прерывающийся след вплоть до современности – от Пелагия до Шторма, Геббеля, Рильке и от Эриугены и Джордано Бруно через Гёте до Тейяра де Шардена и Сент-Экзюпери, от Майстера Экхарта и Николая Кузанского через Якоба Бёме до Хайдеггера и Ясперса – то теперь их число постоянно возрастает и в настоящее время в неразрывной непрерывности усиливается, превращаясь в расширяющуюся, охватывающую все европейские нации, все общественные слои и все поколения религиозную общность. Что может доказать религиозную идентичность Европы более убедительно, чем стихийные протесты и независимые проявления сопротивления ее еретиков как причину собственных религиозных творений с собственной перспективой и ее снова и снова вызывающие удивления соответствия, протянувшихся через века и через все национальные границы – соответствия, которые часто независимо друг от друга и не зная друг о друге, исходили лишь из общего для них, подлинного способа переживания, всегда одинакового переживания Бога, одинакового закона сущности в собственной груди? В тысячах своих еретиков Европа всегда снова возвращалась к себе самой и из своей первопричины возвращала себе саму себя, становилась самой собой в своих самых больших умах, в своей сущности и своей собственной божественной глубине осознанно в собственной европейской религии, которая развернет свои силы над клонящейся к упадку эрой самоотчуждения.

«Каждый может только тогда по-настоящему «быть», если Бог в нем обнаруживает свое бытие»

Только-протестующие, однако, которым не хватило мужества для собственного «я» и сил для самостоятельного пути в стороне от протоптанных идеологических дорог, выбросили за борт с диагностированной Фридрихом Ницше «ставшей невероятной верой в христианского Бога» *любую* веру, смели вкупе с христианским «потусторонним миром» *любую* «трансцендентность», то есть *любое*

«превышение», выход за пределы явного мира предоставленного чувствам и разуму. Когда они разрывали всякую связь, отрезали свои собственные корни и лишились, таким образом, всех источников своей силы, они, безродные, бездомные, сами сдались предсказанному Ницше ужасу тотального нигилизма со всеми страхами и отчаяниями в последней пустоте смысла и затерянности их опустошенного существования, одержимого болезненной страстью к упадку, концу, смерти. Христианское унижение и осквернение человека, мира, природы приготовило свои последние жертвы в виде этих протестующих против христианского бога, этих покинувших разум, этих эмигрантов из безблагодатности мира земного – который после того, как отрубили «потусторонний мир», стал «миром земным» несуществующего, миром, которому «со всех сторон угрожает Ничто». Их отказ от любой трансцендентности отомстит им потерей бытия.

Потому что они в своей радикальности сами разрушили суть цельной идентичности, о которой им напоминал Антуан де Сент-Экзюпери в молитве Большого Каида в «Цитадели» (в немецком переводе «Город в пустыне»), но которую здесь могли бы повторить все, кто находится на пути к их подлинной религиозной идентичности:

«Свяжи меня снова с деревом, от которого я происхожу!
Я без смысла, если я остаюсь один...
Здесь я растворен и временен.
Я несу потребность, чтобы быть».³⁰

Примечания

I Разрушение религиозной идентичности

1 Nikolas von Cues, *Die Kunst der Vermutung*, Auswahl aus seinen Schriften, Bremen 1957, *Über die Vermutungen*, 1,13.

2 Michael Rangl, *Briefe des hl. Bonifatius*, Leipzig 1912.

3 Snorri Sturlusson, *Sage von Hakon dem Guten*, 14, в: S. Hunke, *Europas andere Religion*, Düsseldorf 1969, стр. 97.

4 См. главу. ‚Gott liebt den freien Menschen‘, в S. Hunke: *Europas andere Religion*, aaO., стр. 57-93.

5 Sigrid Hunke, *Europas andere Religion*, aaO., стр. 15f, Einleitung: ‚Gott hat viele Gesichter‘.

6 Там же, стр. 93.

7 Sigrid Hunke, *Tod, was ist dein Sinn*, Pfullingen 1986, глава ‚Weiterleben aus dem Heil‘.

8 Sigrid Hunke, *Europas andere Religion*, aaO., стр. 102ff.

- 9 Salvian, *De gubernatione Dei*, X, VI.
- 10 *Die Hymnen des Mönches Gottschalk*, издано Walter Kagerah, Berlin 1936.
- 11 Sigrud Hunke, *Europas andere Religion*, aaO., стр. 111.
- 12 Wilhelm Grönbech, *Religion und Kultur der Germanen*, Hamburg 1935, стр. 127ff.
- 13 Sigrud Hunke, *Am Anfang waren Mann und Frau, Vorbilder und Wandlungen der Geschlechterbeziehungen*, Hildesheim 1986, стр. 86ff.
- 14 Там же, стр. 80ff.
- 15 Там же, стр. 174ff.
- 16 *Heiland und Genesis*, издано Otto Behaghel, Halle 1922.
- 17 Franz Brietzmann, *Die böse Frau in der deutschen Literatur des Mittelalters*, Berlin 1912.
- 18 Tacitus, *Germania*, с. 8.
- 19 Michael Rangl, aaO., Brief von Gregor an Bonifatius v. 2.11.726.
- 20 Sigrud Hunke, *Das Reich und das werdende Europa* („Das Reich ist tot — es lebe Europa“), Hannover 1965, стр. 29f.
- 21 Там же, стр. 30ff.
- 22 Там же, стр. 13-74.
- 23 Там же, стр. 26f.
- 24 Там же, стр. 25.
- 25 Там же, стр. 45ff.
- 26 *Das Buch der deutschen Dichtung*, издано Friedrich von der Leyen, 1-й том, „Frühes und hohes Mittelalter“, Leipzig 1939, стр. 113.

II Обновление религиозной идентичности

- 1 Sigrud Hunke, *Europas andere Religion*, aaO., стр. 60.
- 2 „Est enim, inquam, in animis nostris naturalis quaedam (ut ita dixerim) sanctitas.“ *Demetriusbrief*, в: Migne, *Patrologiae Ser. Latina*, Paris 1846, XXX 17, 2.
- 3 Там же., XXX 17, 6.
- 4 Reinmar von Zweter in: *Die deutsche Literatur*, переведено и издано Boor, München 1965.
- 5 Meister Eckart, *Deutsche Predigten und Traktate*, переведено и издано Josef Quint, München o. J, проповедь 29, стр. 291.
- 6 По Sigrud Hunke, *Europas andere Religion*, aaO., стр. 77.
- 7 Wolfgang von Wartburg, *Geschichte der Schweiz*, München 1951, Глава Pestalozzi. Стр.178ff.
- 8 Immanuel Kant, *Werke*, Berlin 1913, Том V, *Kritik der praktischen Vernunft*, 2-я часть.

9 Friedrich von Schiller, *Das Ideal und das Leben*.

10 Immanuel Kant, *Was ist Aufklärung?*, академическое издание, том 8, стр. 35.;
,Metaphysik der Sitten, Einleitung § 4'.

11 Johann Wolfgang von Goethe, *Dichtung und Wahrheit. Aus meinem Leben*, München o. J.,
15. Buch, стр. 506ff.

12 Johann Wolfgang von Goethe, *Werke*, Stuttgart 1950, Abt. 1, Bd. 4 .Frühe Dramen,
Bruchstücke'.

13 Johann Wolfgang von Goethe, *Faust*, 'Prolog im Himmel'.

В оригинале:

„Nun gut, es sei dir überlassen!
Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab
Und führ ihn, kannst du ihn erfassen,
Auf deinem Weg mit herab —
Und steh beschämt, wenn du bekennen mußt:
Ein guter Mensch, in seinem dunklen Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewußt

Буквально:

«Ну хорошо, тебе его я предоставлю!
Оторви этот дух от его праисточника
И веди его, если ты можешь им овладеть,
Твоим путем вниз —
И стой пристыженный, когда тебе придется признать:
Хороший человек, в своем неявном порыве
Сам хорошо знает правильный путь».

14 Sigrid Hunke, *Europas andere Religion*, aaO., III. Teil, 'Die europäische Religion'¹, стр.
421-505.

15 «Унитариянские» президенты США: Джон Адамс, Томас Джефферсон и Авраам Лин-
кольн, кроме того к унитариянцам принадлежал Бенджамин Франклин и другие.

16 Sigrid Hunke, Там же, стр. 265.

17 Там же, стр. 262.

18 Meister Eckhart, в *Predigten und Traktate*, aaO., проповедь 32, стр. 309.

19 Johann Gottlieb Fichte, *Sämtliche Werke*, Leipzig 1924, 'Anweisungen zum seligen Le-
ben', 6. Vorlesung, V, 475.

20 Friedrich Schleiermacher, *Werke*, Bd. 4, 'Über die Religion, Reden an die Gebildeten unter
ihren Verächtern', Leipzig 1911, стр. 132.

21 Там же, стр. 34.

22 Sigrid Hunke, Там же, стр. 41.

23 Johannes Scotus Eriugena, *Über die Einteilung der Natur*, übs. von K. Noack, Leipzig
1870-1874, III, 17.

24 Там же, III, 22.

25 Там же, III, 18.

26 Friedrich von Sonnenburg, in *Die deutsche Literatur*, aaO., I, 491f.

27 Nicolaus von Cues, *Die Kunst der Vermutung*, aaO., стр. 225, ‚Der Laie und die Weisheit‘; стр. 267 ‚Der Laie über den Geist‘; S. 299 ‚Das Experiment mit der Waage‘.

28 Nicolaus von Cues, Там же, ‚Von der wissenden Unwissenheit‘ (‚De docta ignorantia‘), Zweites Buch.

29 Nicolaus von Cues, Там же, ‚Von Gottes Sehen‘, стр. 316.

30 Antoine de Saint-Exupery, *Die Stadt in der Wüste*, перевод О. v. Nostitz, Düsseldorf 1956, стр. 173.

Труды Зигрид Хунке:

Книги:

Schulungsbrief „Rassenseelenkunde“, 1935

Herkunft und Wirkung fremder Vorbilder auf den deutschen Menschen, Diss. Berlin 1941

Am Anfang waren Mann und Frau. Vorbilder und Wandlungen der Geschlechterbeziehungen, Hamm 1955

Allahs Sonne über dem Abendland – Unser arabisches Erbe, Stuttgart 1960 (Taschenbuchausgabe: Fischer, Frankfurt am Main 2001, ISBN 3-596-15088-4)

Das Reich ist tot – es lebe Europa. Eine europäische Ethik, Hannover 1965

Europas andere Religion. Die Überwindung der religiösen Krise, Düsseldorf 1969

Das Ende des Zwiespalts. Diagnose und Therapie einer kranken Gesellschaft, Bergisch Gladbach 1971

Das nach-kommunistische Manifest. Der dialektische Unitarismus als Alternative, Stuttgart 1974

Kamele auf dem Kaisermantel. Deutsch-arabische Begegnungen seit Karl dem Großen, Stuttgart 1976

Glauben und Wissen. Die Einheit europäischer Religion und Naturwissenschaft, Düsseldorf 1979

Europas eigene Religion. Der Glaube der Ketzer, Bergisch Gladbach 1983

Tod – was ist dein Sinn?, Pfullingen 1986

Vom Untergang des Abendlandes zum Aufgang Europas. Bewußtseinswandel und Zukunftsperspektiven, Rosenheim 1989

Allah ist ganz anders. Enthüllung von 1001 Vorurteilen über die Araber, Bad König 1990

Статьи в сборниках

Verstehen, in: Rasse. Monatsschrift der Nordischen Bewegung, 1936, S. 86–91

Das dualistische Vorbild Europas, in Philosophisches Wörterbuch, hrsg. v. G. Schischkoff, Stuttgart 1965

Die Zukunft unseres unvergänglichen Erbes in Mann und Frau, in: Elemente zur Metapolitik, 2. Ausgabe (Juni/Sept.), 1987, S. 27–34

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).